

Введение

Проблема выбора – ключевая для данного сборника – определяет лицо европейской культуры как в ее историческом времени, так и в современности. Безусловно, точку отсчета, начало этого феномена, как, впрочем, и всех иных культурнозначимых человеческих деяний, следует искать в далеком прошлом, в религиозных основаниях культуры.

Творение человека как акт Божественной воли, Свободного Божественного Выбора соединил на религиозной почве культуры Ближнего Востока и Европы. В этой мифологеме пред-положены по крайней мере *два модуса* свободных деяний человека, обеспечивающих тем самым *его человеческий выбор*. Так или иначе, эти модусы – действия, которые могут быть осмыслены как ответ Создателю. Вполне возможно, что именно в этом корневая причина неразрывности выбора и *ответ-*ственности человека. Оба модуса просты и сложны одновременно, ибо и тот, и другой прокладывают дорогу прямо противоположным действиям человека и задают параметры разных смыслов, обуславливая то, что теперь мы называем выбором.

Созданный по «образу и подобию Бога», первый человек Ветхого Завета обязан был следовать заповеди Божией жить в саду Эдема, чтобы «возделывать и хранить его», вкушать плоды от всех деревьев сада, кроме одного: «от древа познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2.17). Комментаторы достаточно обсуждали вопрос о том, что означала во времена Адама угроза смертельного наказания. Не будучи рожденным, первый человек не мог быть знаком с тем наказанием, которое обещал ему Господь. Кроме того, знание добра и зла – что хорошо и что плохо – заключалось в плодах именно того древа, от которого вкушать было Адаму запрещено. Однако слова, провоцирующие возможность отказа от божественного запрета, были сказаны самим Богом. А потому *выбрать другое*, противоположное тому, что сказал Бог, – вот трагическая фабула человеческой культуры, но и ее, этой культуры, возможность. Без соблазна выбора не было бы начала...

Ветхозаветный первый человек мифологемы творения мог выбрать послушание или непослушание Богу, соблюдение или несоблюдение заповеди. Выбор Адама – только из этих двух возможностей. По-слушание или о-слушание.

Адам совершает действие очень простого рода. Он *выбирает* то, что дает ему Ева – плод запретного дерева, и ест его. Его оправдание перед Богом имеет основание: Ева, жена, «которую Ты мне дал» (Быт. 3.12). Адаму не известен змей. Однако последний говорит Еве слова, прямо противоположные тем, что сказал Адаму Бог: «И сказал змей жене: нет, не умрете» (Быт. 3.4.). Но и здесь «неумирание» также не может быть ясно, как и слова «смертию умрете».

Однако поставим риторический вопрос: насколько случайно или осознанно для самого Адама происходило *событие выбора*?

Содержание книги Бытия можно представить как повествование именно о таких событиях – целом ряде выборов, сделанных человеком вне какого-либо осознания значимости и глубочайших последствий, которые произойдут затем. Адам и Ева послушались Бога, это их выбор; Каин, убивший Авеля, – сделал свой выбор; Ной, услышавший повеление Бога, – свой; Авраам тоже совершает выбор, отвечая на требования Бога принести в жертву своего единственного сына Исаака...

Этот последний ветхозаветный сюжет об Аврааме и Исааке поверг в страх и трепет Сёрена Кьеркегора, пытавшегося осознать, пережить и прочувствовать выбор Авраама, суть которого – его бытийственное, жизненно трагическое наполнение. Тема выбора вошла в философию именно в трудах экзистенциалистов, импульс которым сообщил Кьеркегор. Состояние страха, а точнее страха смерти, пребывание в котором определяет *со-стояние* человека между Послушанием Богу и послушанием, невинностью и виной, добром и злом, верой и неверием и т.п., для Кьеркегора определяет необходимость или, лучше, неминуемость *осознания выбора*. Однако все, что содержит текст «Страха и трепета» датского мыслителя, дословно *не* присутствует в тексте Ветхого Завета. Там – событие, переданное как эпическое повествование. У Кьеркегора – переживание и его реконструкция как рефлексия происходящего, длящегося, но не завершенного действия – *выбор совершаемый*. В библейском тексте дело сделано: плод съеден, Авель убит, послушный Авраам уже занес нож над телом сына...

В тексте «Страха и трепета» уловлена проблема, которая может быть предана огласке только Иоханнесом де Силенцио – Иоханнесом «Молчащим». Выбор для человека – внутренняя работа, *его* переживание, *его* страх и *его* трепет.

Божественная воля карает человека за его непослушание и увлечение земными радостями человеческой жизни – эти сыны и дочери человеческие, занявшиеся друг другом и умножавшие род человеческий, забыли о своем Творце: «велико развращение человеков на земле... все мысли и помышления их были зло на всякое время» (Быт. 6.5). Потоп – последнее и неминуемое наказание.

Но и Богу известен выбор: Его «или-или». Он решает найти своего рода «альтернативу» среди всеобщего земного греха. Он видит праведника. Послушание Ноя необходимо и достаточно для спасения *части земного человечества*. Создатель *выбрал* Ноя; сделанный им по указанию Господа ковчег укрыл его, его семью и скотину. Непослушание Богу ведет к злодеяниям, Ной же – послушник: «И сделал Ной все; как велел ему Бог, так он и сделал» (Быт. 6.22). Что же есть выбор и есть ли выбор человека во всей этой истории? Ной после спасения по указанию Бога вышел на землю, выведя всю семью, птиц, скот и гадов пресмыкающихся для нового заселения земли, и отблагодарил Бога, сделав жертвенник и принеся в жертву «от всякого скота чистого, и из всех птиц чистых» во всесожжение (Быт. 8.20).

* * *

Бог Нового Завета демонстрирует совсем иную возможность выбора, посылая Христа как искупительную жертву за *не Им совершенный адамов грех*. Новозаветный выбор – решение Бога, Единого в своей Троичной сущности. Этот выбор есть и *Свобода* (Духовная святость), и *Невинная Жертва* (Крестное страдание Христа), и *Послушание* (Сына Отцу). С новозаветного времени выбор неизменно сопряжен с осознанием возможности или невозможности человеческой свободы. Человеческая природа Христа создает сложную и порой непосильную для человека задачу – выбрать самому собственную свободу. Изначально – в подражание Христу... Однако европейцы увлеклись решением этой задачи. И вот ближе к концу XIX в. Фридрих Ницше уже отвергает Христа, призывает антихриста. Похоже, европеец оставляет в историческом прошлом метафизические основания веры и неверия...

Глубоко трансцендентная метафизика христианской веры – основа, на которой взрастала европейская культура. В исканиях умов и художественных талантов, в молитвах верующих и деяниях святых, в строгости научных доказательств агностиков и сокрушительных ударах нигилистов *возможность выбора человека как свободного существа* предполагала Бога, чтобы подражать Ему, или подвергала сомнению саму мысль о Его существовании.

«Новогамлетовский» ницшеанский соблазн – быть или не быть «по ту сторону добра и зла» – во весь XX в. воплотился экзистенциальными ужасами войн, лагерей и потерей веры. Опыт XX в. убеждал (убедил ли?), что «по ту сторону» Бог мертв. И похоже, что этот выбор сделан навсегда.

* * *

История выбора европейского человека детерминирована христианской культурой, как в созидательной, так и разрушительной его практике. Европейец свободен *в своем* выборе, потому что у него была его христианская история, и именно она научила его необходимости глобального культурного выбора – осуществления проекта мировой культуры. Сегодняшние вызовы ставят перед человеком новые задачи, их проективность принадлежит именно этому общекультурному контексту.

Под влиянием современного расширения доступных социальных пространств, многообразия государственных, политических, профессиональных, экономических, финансовых, новых технологических институций «трансцендентная вертикаль» выбора – позвоночный столб прошлой культуры – превратилась в сложно устроенные, горизонтально или произвольно проложенные связи, функционирующие по законам рынка, обеспечивающего жизнь человека. Такие связи поддерживают социальный порядок на расширении «предложений» и многообразии предпочтений (именно это слово просится взамен слову «выбор» в данном контексте).

Кардинальная проблема, как она представляется авторам сборника, состоит в том, что, глобализуясь, современная культура практически расстается с тем, что составляло когда-то стержень Европы – ее субстанциальную основу, сформированную культурой

в Новое время. Эта основа скреплялась как христианской верой, так и классической моделью знания; как нравственным законом, так и самореализацией личности, образованием, которое составляло ее базовую ценность. Функциональность, пришедшая на смену субстанциальности, изменила и мир, и человека. Теперь репликация знаний, технологическая свобода и презентация анонимности в массовой культуре перевела стрелки интересов на коммуникативную свободу, снимающую всякие регуляторы социума и культуры. «Социально нейтральное» – политкорректное, денациональное, гендерно-неопределенное, профессионально-неустойчивое, неполносемейное, провокативное в политике, в современных СМИ и в других коммуникативных сообществах – таковы характеристики современной цивилизации, где выбор человека как его внутренняя работа становится чрезвычайно проблематичным или вовсе ненужным. Возможно, «цивилизация функциональности» нуждается только в правовой стабильности, однако и ее функционирование – применение конституции, работа судов, адвокатуры в позиции сервильности властям – все более приходит в противоречие с собственными субстанциальными основаниями права.

Итак, проблема выбора как методологическая, антропологическая, историко-культурная, социально-политическая, а также связанная с инновационными технологическими процессами современности, предлагается вниманию читателя.

Ответственный редактор
Марина Киселева